

Замысловский Георгий Георгиевич

**Убийство Андрюши
Ющинского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г36

Г36 **Георгий Георгиевич З.**
Убийство Андрюши Юшинского / Замысловский Георгий Георгиевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 528 с.

ISBN 978-5-519-85633-1

Исследование в 3 частях с 2 планами и 20 рисунками в тексте, из коих один
в красках

ISBN 978-5-519-85633-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предсѣдательствовалъ Предсѣдатель Кіевскаго Окружнаго Суда Болдыревъ, въ составѣ трехъ членовъ Суда—князя Жевахова, Вигуры и Юркевича. Обвинялъ Товарищъ Прокурора Петроградской Судебной Палаты Випперъ. Гражданскими истцами были присяжный повѣренный округа Московской Судебной Палаты Шмаковъ и членъ Государственной Думы Замысловскій. Шмакову помогалъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Дурасовичъ. Защищали Бейлиса пять присяжныхъ повѣренныхъ—трое Петроградскихъ: Грузенбергъ, Карабчевскій, Зарудный; одинъ Московскій—членъ Государственной Думы Маклаковъ и одинъ мѣстный, Кіевскій—Григоровичъ-Барскій. Цѣлый рядъ ученыхъ явился въ качествѣ экспертовъ.

Въ залѣ засѣданій были заблаговременно сооружены особые хоры для представителей печати, коихъ туда вмѣстилось огромное количество. Въ столичныя газеты ихъ сотрудники, спеціально командированные на процессъ, посылали о ходѣ его ежедневно длинные телеграфные отчеты. Особо приглашенные стенографы записывали все, происходившее на судѣ, дословно, стенографически, расшифровывая немедленно, въ тотъ же день, свои записи и предоставляя ихъ къ оглашенію. Если подсчитать только эти расходы: по стенографированію, печатанію, передачѣ отчетовъ телеграфомъ—то получится громадная сумма.

Въ такихъ условіяхъ не протекалъ у насъ ни одинъ судебный процессъ.

О томъ, какой общій интересъ возбуждало дѣло, можно судить по грудѣ писемъ и телеграммъ, полученныхъ его участниками со всѣхъ концовъ Россіи. Въ обширнѣйшемъ матеріалѣ, который былъ, напримѣръ, адресованъ на мое имя, можно найти содержаніе самое разнообразное: тутъ большею частью привѣтствія, одобренія, совѣты, пожеланія успѣха со стороны лицъ, часто совершенно незнакомыхъ; даже присылка ими сочиненій, которыя они считали рѣдкими, малоизвѣстными, но имѣющими отношеніе къ ритуалу. Зато попадаются и осужденія, ругательства, угрозы, даже убійствомъ.

Великая заслуга, что дѣло, несмотря на всѣ козни и противодѣйствія, было доведено до суда, до гласнаго, публичнаго разбирательства, принадлежитъ тогдашнему Министру Юстиціи, Ивану Григорьевичу Щегловитову, и достойному его помощнику по Кіеву—Прокурору Кіевской Судебной Палаты Георгію Гавриловичу Чаплинскому. Непокколебимому чувству долга этихъ госу-

дарственныхъ дѣятелей обязана Россія тѣми разоблаченіями, ужасными для жидовства, которыя далъ процессъ Бейлиса.

Нашлись и частныя лица, доставившія самоотверженное служеніе раскрытію дѣла выше своихъ личныхъ интересовъ. Закончу настоящее вступленіе нѣсколькими словами о томъ изъ этихъ людей, кто геройски погибъ преждевременною смертію, о студентѣ Кіевскаго университета Владимірѣ Степановичѣ Голубевѣ. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что дѣло объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго не дойдетъ до гласнаго суда. Сейчасъ же послѣ обнаруженія тѣла замученнаго мальчика Голубевъ принялся цѣлыми днями изучать мѣстность, гдѣ былъ найденъ трупъ, спрашивать тамошнихъ обывателей и добылъ данныя весьма цѣнныя. Стоя во главѣ патріотическаго общества Кіевской молодежи «Двуглавый Орелъ», Голубевъ былъ непреодолимою преградой для всѣхъ попытокъ въ дѣлѣ Бейлиса обработать кіевское общественное мнѣніе подъ жидовскій камертонъ. Убѣжденность этого человѣка, его идейность и чистота были настолько сильны, ярки, что даже его враги, захлебывавшіеся отъ ненависти къ нему, взводили на него обвиненіе въ неправдѣ, въ неискренности не рѣшались. Какъ только началась война, Голубевъ пошелъ въ армію, былъ серьезно раненъ въ голову и отправленъ на излеченіе въ Кіевъ, однако, съ еще незажившей раной, вернулся на фронтъ, опять былъ раненъ во время развѣдки, но легко, остался въ строю и убитъ пулею, когда, командуя въ качествѣ прапорщика взводомъ, хотѣлъ вести его въ атаку. Офицерскій Георгіевскій крестъ уже не засталъ Голубева въ живыхъ.

Для меня дѣло объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго неразрывно связано съ воспоминаніями о незабвенномъ Владимірѣ Степановичѣ Голубевѣ.

Mr. Meirovitch

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФАКТИЧЕСКАЯ.

I.

Родственники.

12 марта 1911 года, въ субботу, проживавшій на Предмостной Слободкѣ г. Кіева тринадцатилѣтній мальчикъ Андрюша Юцинскій рано утромъ ушелъ изъ дома и безслѣдно исчезъ. Всѣ поиски мальчика остались тщетными, пока, черезъ восемь дней, 20 марта 1911 г., мертвое тѣло Андрюши, все исколотое и обезкровленное, не было обнаружено верстъ за шесть отъ Слободки, въ совершенно противоположной части Кіева—за Лукьяновкой, на Загоровщинѣ, въ одной изъ тамошнихъ пещеръ, гдѣ на эту ужасную находку совершенно случайно наткнулись игравшіе около мальчики.

Самый видъ мертваго тѣла, съ его 47 уколами, полураздѣтаго, со связанными за спиной руками, выброшеннаго, какъ падаль, передъ еврейской пасхой—не могъ не возбудить въ народѣ толковъ, что убійство совершено жидами ради христіанской крови. Однако, полиція, принявшаяся за розыски, не замедлила сейчасъ же направить ихъ не въ сторону евреевъ, а по пути совершенно иному, явно исключавшему виновность жидовъ—по пути заподозриванія ближайшихъ родственниковъ убитаго. Это заставляетъ и насъ обратиться прежде всего къ семьѣ погибшаго мальчика, къ ея жизни.

Андрюша былъ внѣбрачнымъ сыномъ Александры Юцинской и Θεодосія Чиркова, съ которыми она сожительствовала

около двухъ лѣтъ. Затѣмъ Ѳеодосій Чирковъ былъ взятъ въ военную службу и отправленъ на Дальній Востокъ, гдѣ, послѣ войны, пропалъ безъ вѣсти. Первоначально онъ располагалъ деньгами, вырученными отъ продажи принадлежавшаго ему на окраинѣ г. Кіева домика, но уже ко времени отправленія на Дальній Востокъ эти деньги — въ общей суммѣ двѣ тысячи рублей — совершенно изсякли, ибо Чирковъ не прочь былъ покутить, и Александру Ющинскую онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ. Убѣдясь, что Ѳеодосій Чирковъ пропалъ безъ вѣсти, Александра Ющинская вышла замужъ за Луку Приходько, по ремеслу переплетчика, помогая ему стиркой бѣлья и торговлей на базарѣ. Поселились они на окраинѣ города, называемой Лукьяновкою, гдѣ прожили до 1910 года, а въ 1910 году, весною, мѣсяцевъ за десять до убійства, переѣхали въ Предмостную Слободку, гдѣ, къ марту 1911 г. занимали небольшую квартиру въ домикѣ Заблудскихъ. Тутъ же рядомъ, отдѣленные лишь тонкою перегородкою, жили сами Заблудскіе и другой квартирантъ, Толкачевъ. Помѣщеніе было настолько тѣсное и убогое, что въ немъ не то, что мальчика, а курицы нельзя было зарѣзать такъ, чтобы это сейчасъ же не сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ сосѣдямъ. Вдобавокъ, Лука Приходько ночевалъ дома только въ ночи съ субботы на воскресенье, а все остальное время работалъ и ночевалъ въ переплетной мастерской Колбасова, по Фундуклеевской улицѣ, т. е. въ большомъ отдаленіи какъ отъ Слободки, такъ отъ Лукьяновки и Загоровщины.

Вотъ что говорилъ о Лукѣ Приходькѣ на предварительномъ по дѣлу слѣдствіи его хозяинъ, Колбасовъ:

«Лука Приходько работаетъ въ моей мастерской около пяти лѣтъ. Я его считаю самымъ лучшимъ мастеромъ. Въ мѣсяцъ я ему плачу 26 рублей. Человѣкъ онъ трезвый, работающій и очень хорошій семьянинъ. Всѣ заработанныя деньги онъ отдаетъ своей семьѣ, на себя же тратитъ очень мало. Всю недѣлю Приходько работаетъ у меня и только по субботамъ уходитъ въ Слободку, откуда возвращается на работу въ понедѣльникъ. Я помню хорошо и утверждаю, что Лука Приходько, съ понедѣльника, 7-го марта 1911 г., до субботы, 12 марта, безотлучно находился въ моей мастерской».

Послѣднее обстоятельство вполнѣ подтвердилъ и переплетный мастеръ, работавшій у Колбасова вмѣстѣ съ Приходькою — Василевскій.

Къ Андриюшѣ Лука Приходько относился вполне хорошо, что же касается Александры Приходько, то она горячо любила своего первенца и заботилась о немъ даже больше, чѣмъ о младшемъ сынѣ, прижитомъ отъ Луки; но еще сильнѣе была привязана къ Андриюшѣ его тетка, Наталья Ющинская, сестра Александры. Незамужняя, слабая здоровьемъ, съ начинавшеюся чахоткой, не перенесшая гибели Андриюши и преждевременно умершая скоро послѣ его смерти,—она всей душой отдалась мальчику и въ немъ видѣла весь смыслъ своей жизни. Сравнительно хорошо зарабатывая коробочнымъ мастерствомъ—отъ 50 до 100 рублей въ мѣсяцъ—она на свои средства, послѣ того, какъ Андриюша выучился грамотѣ въ дѣтскомъ приютѣ и побылъ два года въ начальной школѣ, отдала его въ обученіе псаломщику Мочуговскому, которому платила около года по десять рублей въ мѣсяцъ, чтобы Мочуговскій подготовилъ Андриюшу къ поступленію въ пятиклассное Софійское духовное училище, куда онъ и былъ принятъ въ 1910 году, причемъ платить за него приходилось по 75 рублей въ годъ.

Поселилась Наталья Ющинская съ 1910 г. тоже на Слободкѣ, недалеко отъ своей сестры Александры, причемъ вмѣстѣ съ Натальей жила и мать ихъ—Олимпиада Ющинская, по второму мужу Нѣжинская, 70-лѣтняя старуха, тоже горячо любившая Андриюшу. У бабушки и тетки онъ бывалъ почти ежедневно.

Любовь, которою пользовался Андриюша, являлась вполне заслуженною. Общія отзывы о немъ сходились въ томъ, что это былъ мальчикъ замѣчательно хорошій: привязчивый, смирный, послушный, очень способный и трудолюбивый,—онъ даже среди сверстниковъ не имѣлъ недоброжелателей. Кого-кого только не спрашивали на слѣдствіи объ Андриюшѣ: и его прежнихъ товарищей съ Лукьяновки, и товарищей по Слободкѣ, и товарищей по школѣ, и школьное начальство, и всѣхъ вообще, кто зналъ семью Приходьки,—и среди множества спрошенныхъ—ни одного худого слова. Зато много словъ прямо восторженныхъ. Въ школѣ Андриюша учился чрезвычайно прилежно и одно время былъ даже первымъ ученикомъ. Завѣтною мечтою мальчика была—по окончаніи ученія сдѣлаться священникомъ. Эту мечту знали его родные, сочувствовали ей и изъ послѣднихъ средствъ старались дать Андриюшѣ возможность получить соответствующее образованіе. На первой недѣлѣ Великаго поста (а поपालъ

онъ въ концѣ третьей недѣли) мать говѣла съ нимъ въ Киево-Печерской Лаврѣ, несмотря на свою работу и на огромное разстояніе отъ Слободки до Лавры.

Всѣ обстоятельства эти, казалось бы, неопровержимо устанавливали, что заподозривать родственниковъ Андриюши въ его убійствѣ невозможно, а предполагать, что убивала мать у себя на квартирѣ, въ домѣ Заблудскихъ—дико и явно-нелѣпо.

Иначе взглянула на дѣло кievская сыскная полиція. Первымъ шагомъ ея начальника, Мищука, былъ арестъ Александры Приходько и строжайшій обыскъ въ ея квартирѣ. «Все было переверочено, все поломано. Тяжело было это и ужасно»... рассказывалъ потомъ на судѣ Лука Приходько, оправясь отъ обморока, который сдѣлался съ нимъ, когда онъ дошелъ въ своемъ показаніи до дѣйствій кievской сыскной полиціи. Со стѣнъ квартиры отбили семь кусковъ штукатурки для химико-микроскопическаго изслѣдованія «темнобурыхъ пятенъ», показавшихся подозрительными. Съ тою же цѣлью взяли юбку и кофту Александры Приходько, рабочую блузу Луки и двѣ тряпки. Никакихъ результатовъ химико-микроскопическое изслѣдованіе не дало, признаковъ крови въ отобранныхъ предметахъ не оказалось,—но времени, пока сіе было удостовѣрено, прошло достаточно.

Показаніе объ этомъ Олимпіады Нѣжинской — силошной вопль: «Совсѣмъ замучили... Все разбили и разгромили... Я кричала, плакала, говорила: что вы дѣлаете!?... А они: молчите, всѣмъ Сибирь будетъ!.. Я говорила: что вы тутъ шукаете, вы бы шукали тамъ, гдѣ люди его нашли... Тамъ не хотѣли шукать, а только до насъ ходили»...

Александрѣ Ющинскую арестовали 24 марта (тѣло Андриюши найдено 20-го) и держали подъ арестомъ двѣ недѣли. Каждый день ее, на пятомъ мѣсяцѣ беременности, отводили рано утромъ изъ полицейскаго участка, гдѣ она ночевала, въ сыскную полицію, гдѣ держали въ напряженномъ состояніи до часа—двухъ ночи, хотя допрашивали сравнительно рѣдко.

«Мищуку обращался со мной скверно,—показывала на судѣ Александра Приходько: —ругалъ меня, требовалъ, чтобы я созналась, будто я убила. Я сказала Мищуку: вы арестуйте меня, только позвольте мнѣ похоронить сына. Онъ отвѣтилъ, что такую убійцу нельзя отпустить... Такъ я на похоронахъ и не была»...

Когда Александру Ющинскую, арестованную, беременную, водили через базарную площадь, то въ толпу на базарѣ уже былъ пущенъ слухъ, что это убійца сына и въ нее кидали чѣмъ попало...

Если Александра Ющинская была арестована полиціею и двѣ недѣли содержалась подъ арестомъ, какъ убійца своего ребенка, несмотря на ея любовь къ сыну, несмотря на нахождение мертвѣго тѣла въ шести верстахъ отъ Слободки, несмотря на полную невозможность убійства въ той хаткѣ Заблудцкихъ, гдѣ жили Приходьки — то, вѣроятно, были же какія-нибудь противъ нихъ улики, хотя и оказавшіяся потомъ невѣрными, ошибочными, но имѣвшія хоть сначала видъ, достаточно внушительный?..

Такая улика (если только можно назвать это уликой) была одна и надъ происхожденіемъ ея надлежитъ остановить серьезное вниманіе: 21 марта судебный слѣдователь, получивъ отъ полиціи донесеніе, что въ пещерѣ за Лукьяновкой обнаружено мертвое тѣло Андрея Ющинскаго, прибылъ туда для первоначальнаго осмотра, а 22 марта, когда еще ни одинъ свидѣтель допрошенъ не былъ, къ судебному слѣдователю явился безъ его вызова, по собственному побужденію, нѣкто Симонъ Барщевскій, вѣроисповѣданія іудейскаго, и сообщилъ, что 16 марта въ редакцію газеты «Кіевская Мысль», гдѣ онъ, Барщевскій, состоитъ сотрудникомъ, явилась неизвѣстная женщина заявить о пропажѣ ея сына.

«Съ перваго же слова женщины, назвавшейся матерью Ющинскаго, — засвидѣтельствовалъ Барщевскій: — мнѣ показалось страннымъ ея отношеніе къ факту исчезновенія. Въ то время какъ обычно въ такихъ случаяхъ матери, являющіяся въ редакцію сообщать о пропажѣ дѣтей, — всегда плачутъ, крайне разстроены и поведеніемъ своимъ ясно выказываютъ горечь утраты, — Ющинская относилась къ случаю крайне равнодушно, говорила спокойно, точно дѣло шло не объ исчезновеніи мальчика, а о фактѣ, не имѣющемъ серьезнаго значенія. Я спросилъ, нѣтъ ли подозрѣній, чтобы Ющинскій могъ куда-нибудь уѣхать. Ющинская категорически опровергала такое предположеніе. Затѣмъ я попросилъ указать адресъ, по которому можно было бы сообщить о нахожденіи ребенка или же доставить его лично. Въ отвѣтъ на это мужчина, бывшій съ Ющинской, улыбнулся и сказалъ, что это, молъ, все равно — куда сообщить, — можно въ

полицію, или въ училище. Улыбнулась при этихъ его словахъ и Ющинская. Какъ во время разговора съ ними, такъ и сейчасъ же послѣ ихъ ухода, я все время былъ подѣ страннымъ впечатлѣніемъ того, что здѣсь что-то неладно: слишкомъ ужъ безразлична была эта родная мать, а нѣсколько разъ повторявшіяся улыбки показались мнѣ совсѣмъ неумѣстными».

Такова улыка: «странныя улыбки», которыя видѣлъ поспѣшившій къ слѣдователю еврейскій сотрудникъ «прогрессивной» еврейской газеты и никто больше. Этой улыки, однако, оказалось достаточно (другихъ не было), чтобы ни въ чемъ неповинную мать замученнаго мальчика держать двѣ недѣли подѣ стражей. Нужно ли добавлять, что впослѣдствіи, передѣ лицомъ суда, прошелъ рядъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что ни о какихъ улыбкахъ не могло быть и рѣчи, что горе матери не поддавалось описанію. Заблупкая, напримѣръ, показала, что ей пришлось, послѣ извѣстія о смерти Андрюши, отливать водой лишившуюся чувствъ Александру Приходько. Но все это выяснилось потомъ, когда драгоценное время было въ значительной мѣрѣ упущено, а пока, въ началѣ, явился къ Слѣдователю безъ вызова іудей Симонъ Барщевскій, заявилъ объ улыбкахъ—и этого оказалось достаточнымъ.

Поразительное поведеніе Кіевской полиціи, ея упорное нежеланіе обратить розыски не только въ направленіи жидовъ, но хотя бы въ направленіи Лукьяновки, гдѣ было найдено мертвое тѣло, вызвало, разумѣется, чрезвычайное возмущеніе всѣхъ тѣхъ, кто еще не пляшетъ подѣ жидовскую дудку, и 18 апрѣля 1911 г. въ Государственной Думѣ третьяго созыва правыми былъ внесенъ слѣдующій запросъ, гдѣ было указано на несомнѣнные признаки въ данномъ дѣлѣ ритуальнаго еврейскаго убійства, а также и на то обстоятельство, что правительство, широко раздвигая рамки изслѣдованія въ дѣлахъ объ изуверныхъ сектахъ, существующихъ среди христіанъ, дѣйствовало всегда наоборотъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно наталкивалось на изуверныя еврейскія убійства: суживало, стѣсняло эти рамки и, ставя на судъ большія дѣла о скопцахъ, хлыстахъ, съ массою подсудимыхъ, ни разу не предприняло разслѣдованія о той еврейской сектѣ, которая совершаетъ ритуальныя убійства.

Однако и послѣ запроса дѣйствія Кіевской полиціи не перемѣнились. Правда, рядомъ съ Мищукомъ появился другой